

Язык. Константы. Переменные

Памяти Александра Евгеньевича Кибрика

УДК 811+81'44
ББК 81
Я 410

Редакционная коллегия:

*М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова,
В. А. Плунгян (гл. ред.),
С. Г. Татевосов, О. В. Федорова*

Я410 Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. – СПб.: Алетейя, 2014. – 680 с.

ISBN 978-5-90670-514-3

Настоящая книга представляет собой сборник научных статей, посвященных памяти замечательного российского ученого и организатора науки, крупнейшего полевого лингвиста и оригинального теоретика, члена-корреспондента РАН Александра Евгеньевича Кибрика (1939–2012). Представленные в книге статьи затрагивают актуальные вопросы теории языка и методологии лингвистических исследований, лингвистической типологии, описания русского языка и других языков мира (особенно языков Дагестана). Ряд статей содержит мемуарные фрагменты. Для широкого круга лингвистов.

УДК 811+81'44

ББК 81

В оформлении обложки использована картина матери А. Е. Кибрика художницы Лидии Тимошенко «Портрет сына» (1962)

ISBN 978-5-90670-514-3

9 785906 705143

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

ГРАММАТИКА ОШИБОК: В ПОИСКАХ КОНСТАНТ¹

Александрю Евгеньевичу,
с любовью и благодарностью

ВВЕДЕНИЕ

Недавно в Москве вышел перевод книги Анри Фрея «Грамматика ошибок» (см. Фрей 2006). Сама книга была написана еще в начале прошлого века (1928 год) и по праву может рассматриваться как один из первых манифестов функционализма (в этом отношении она очень близка книге Александра Евгеньевича, хотя и отстоит от нее почти на век) — правда только в одной, хотя и значимой для лингвистики области, а именно, в области языковой нормы. Идея А. Фрея состоит в том, что ошибочные высказывания носителей языка являются столь же полноправным лингвистическим материалом, как и обычные, соответствующие норме, а сама норма не является незыблемой и поддается обязательным изменениям, которые как раз и проявляются в частотных ошибках говорящих. Получается, что по ошибкам в употреблении маркеров той или иной категории — если эти ошибки тщательно собирать — можно отслеживать направление исторических изменений, заложенных в языке. Теоретически, можно было бы представить себе своего рода «параллельную грамматику». В ней каноническим правилам (в идеале — каждому из них) сопоставлялся бы исторический экскурс, описывающий историю этих правил, т. е. процесс их формирования. Вдобавок к нему тут же приводился бы и набор типичных для каждого правила ошибок, характерных для современных носителей языка: как залог будущих изменений в нем.

Тривиальный, но единичный, пример из русского — вариативность рода для *кофе*, прекрасно описанная Д. В. Сичиновой, кстати, переводчицом книги А. Фрея (см., например, mitrius.livejournal.com/743694.html?nc=58), которая выравнивает и стандартизует парадигму этого слова по среднему роду, устраняя в нем следы от устаревшей формы *кофей / кофий*. А. Фрей, конечно, имел в виду более глобальные исследования, даже для конкретного языка. Однако, как ни жаль, в целом его идеи, по сути дела, оказались забыты на несколько десятков лет — и возвращались в теоретическую лингвистику лишь окольными путями.

Пожалуй, самым магистральным из них было описание детской речи. Соответствующие работы начались в 1960–70-е годы: это исследования не филогенеза, как хотел бы Фрей, а онтогенеза. Тем не менее, основой для них также являются неканонические формы, т. е. случаи отклонения речи детей от нормы — или *ошибки*, и в целом полная (но пока еще далеко не выполненная) программа описания этапов овладения ребенком «взрослой» речью чрезвычайно масштабна.

---

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

Другое, более скромное, но и более современное воплощение идеи Грамматики ошибок — это фиксация и обследование устной речи, для русского языка связанное с именами Е. А. Земской и ее учениц М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, а теперь еще и с Петербургской группой Н. В. Богдановой. Однако ошибки и оговорки в разговорной речи имеют свою специфику. Во-первых, как считается, устная речь существенно отличается от письменной — возможно даже по составу грамматических значений (например: есть ли в ней пассив? А если даже есть, то верно ли, что он функционирует в полном объеме?). Во-вторых, устные ошибки и оговорки, как показано в Русакова 2013, бесспорно предсказуемы и системны, но обусловлены прежде всего нелинейным процессом порождения речи, синтагматикой, праймингом и другими внешними, т. е. асемантическими эффектами.

Способом внедрения «ошибочного» материала как объекта лингвистического исследования, затрагивающим не только поверхностные, но и глубинные слои языка, можно было бы считать структурные эксперименты с примерами. Начиная с 60-х годов такие эксперименты стали неотъемлемой частью любого лингвистического исследования, любой статьи и монографии: когда мы «портим» пример, мы обнаруживаем границы правила, которое исследуем. То, что область действия английского пассива как конструкции ограничена, видно из хорошо известной пары примеров (1–2):

- (1) *the bed was slept in* VS. (2) *??the floor was slept on,*

представляющих правильную в этом контексте фразу (1) и чуть-чуть отличающуюся от нее (2), но сомнительную и с точки зрения узуса, и с точки зрения английской грамматики.

Точно так же, границы русского пассива отражаются в другой, тоже хорошо известной грамматистам паре (3–4):

- (3) *Дом никем не охраняется* VS. (4) *??дом охраняется мной / инженером / сторожем.*

Преимущество искусственных примеров в том, что их можно придумывать, в общем, в неограниченном количестве, но и плохи они тем, что рукотворны: их автор моделирует то самое языковое явление, который он в данный момент изучает, а найти новый факт они помогают редко. Следовательно, естественные и незаметные глазу процессы, о которых говорят и спорят функционалисты, как раз не попадают в зону такого эксперимента и остаются «невидимыми».

Эпоха *usage-based* лингвистики, такая близкая по духу для А. Е. Кибрика (ср. прежде всего Кибрик 2003), породила корпус и корпусные данные. В такой парадигме разговор о Грамматике ошибок — это разговор о *Корпусе* ошибок, или, как его более политкорректно называют, *Learner's corpus*, т. е. *учебный корпус*, или, иначе, Корпус нестандартных говорящих. По-настоящему, это должно быть целое семейство корпусов, потому что если следовать классификации, предложенной в Mustajoki et al., и др. 2010: 5–16, нестандартные говорящие это и носители региональных вариантов языка, и изучающие его как иностранный, и старики, забывающие слова и конструкции, и дети, еще не выучившие язык во всем объеме, и люди с травмами и отклонениями — глухие, афатики и др., а также эмигранты, оказавшиеся в чужой языковой среде.

Среди последних в особую группу выделяют детей эмигрантов (херитажников, или эритажников, от англ. термина *heritage language*), для которых усвоенный (как унаследованный от родителей) в детстве язык не успел стать доминантным и которым в конце

концов для овладения им приходится учить его заново. Сейчас мы делаем корпус, представляющий язык таких носителей: www.web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search/². Уже и этот небольшой учебный корпус позволяет проиллюстрировать сказанное на достаточно любопытных, на наш взгляд, и разнообразных примерах.

ПРИМЕР 1. АДВЕРБИАЛЬНАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Наш первый пример будет совсем в духе А. Фрея: он касается русской сравнительной конструкции, ее структуры и путей развития, отраженных в корпусных ошибках.

Действительно, русская сравнительная конструкция оказывается настолько трудна, что, например, университетские преподаватели академического письма (да и просто университетские преподаватели и академические редакторы) сталкиваются с валом ошибок в ее употреблении. Ошибки не только частотны, но и разнообразны. В первую очередь это дублирование показателей сравнительной степени (аналитического и синтетического), ср. (1):

- (1) *Эти ноутбуки потребляли меньше энергии, но были **менее** компактнее по объему.*

Дублироваться может и маркер сравнения:

- (2) *И прибыль от разрушения гораздо более заметна и быстра, **нежели чем** от строительства.*

В то же время есть обратные примеры, когда говорящий предельно упрощает конструкцию, заменяя ее сложную и, в общем, громоздкую структуру на маркер сравнения в контексте интенсифицированного признака:

- (3) *В русском языке семантический диапазон данного слова **чрезвычайно** широк, нежели в английском.*

Философия функционализма подсказывает нам, что все это не случайно и что это конструкция, в которой уже происходит или предвидится скорая перестройка: она слишком сложна даже для носителей — не говоря уже о трудностях, которые испытывают студенты РКИ и те, кто пользуется другими нестандартными вариантами русского. Сказанное подтверждают и данные Учебного корпуса: в нем (при небольшом общем объеме 340 тыс. словоупотреблений) встретилось 104 ошибки в таких конструкциях.

В подавляющем большинстве это адвербиальные конструкции, хотя, по-видимому, адвербиальных конструкций в реальных текстах и вообще во много раз больше, чем адъективных, так что это не слишком удивительно. Удивительно другое: в существующих описаниях (АГ 80, Князев 2007 и 2011, Санников 2008 и др.) адвербиальные

---

² Корпус создается как часть Национального корпуса русского языка в рамках сотрудничества с National Heritage Language Resource Center (UCLA) и Language Science Lab Гарвардского университета (под руководством М. С. Полинской) и исследовательской группы Направления фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета НИУ ВШЭ под руководством Е. В. Рахилиной. Главный конструктор корпуса — Тимофей Архангельский. В состав корпуса входят тексты Учебного корпуса академической речи (Russian Learner Corpus of Academic Corpus), разработанных О. В. Киселевой и А. А. Алсуфиевой, а также тексты, собранные И. Е. Дубининой и Е. С. Деньгулом.

сравнительные конструкции обычно рассматриваются *вместе* с атрибутивными, как если бы между ними не было никаких отличий. Однако сам факт преимущественных трудностей для адвербиальных контекстов свидетельствует о том, что они образуют специальный подкласс сравнительных конструкций со своими особенностями.

Примеры НКРЯ (4–5) показывают внешнюю структурную идентичность атрибутивного и адвербиального сравнения:

- (4) Атрибутивное: *X COMP ЧЕМ НЕЖЕЛИ Y (~ 800)*
Правительство в этом вопросе считает, что эволюция лучше, чем революция.
 [Александр Чудодеев. Расписание на завтра (2003) // «Итоги», 2003.02.04]
- (5) Адвербиальная: *V1 COMP ЧЕМ НЕЖЕЛИ V2 (~ 3000)*
мы лечили лучше, чем лечат в Америке. [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984–2001)]

Между тем настолько прозрачные по своей структуре предложения встречаются в реальных текстах довольно редко. Действительно, в подавляющем большинстве случаев адвербиальная «двухчастная» конструкция сравнивает не две разные ситуации (и два разных предиката), а одну заданную ситуацию с нею же, только представленной в другом временном или модальном плане, ср:

- *привез меньше, чем мог.*
 — *осталось меньше, чем хотелось бы.*
 — *стало хуже, чем было.*

Фон для сравнения вводят специальные лексико-грамматические показатели, а именно: модальные глаголы (*хочу глубже узнать*), сослагательное наклонение (*который бы лучше соответствовал*), целевое придаточное (*чтобы поменьше зависеть*).

Получается, что по форме конструкция соответствует сравнительной, а по существу она выражает вовсе не сравнение, а оптимизацию или интенсификацию (реже — ослабление) свойств предиката в новом, как правило, потенциальном, контексте.

Как кажется, именно этим объясняется постепенное стирание сравнительной семантики основных частотных наречий. В зависимости от исходного значения, они преобразовываются в лексикализованные маркеры времени (дейктические наречия), ср.: *ранее* — *раньше*, *позднее* — *позже*, или грамматикализованные дейктические дискурсивные слова, ср.: *точнее*, *вернее*, *скорее*, *скорее всего*. Семантическое распределение внутри этих квазиграмматических групп не описано и вызывает множество вопросов и ошибок, ср. (6–7):

- (6) *Во время нападения Наполеона на Москву (1812) пострадал и медицинский факультет МГУ <...> Позже* (вместо: *позднее*) *он был приведен в полный порядок.*
- (7) *Как я сказал раньше* (вместо: *ранее*), *я считаю себя гражданином мира.*

Но и для обычных, неграмматикализованных лексем, правила выбора наречия в форме сравнительной степени остаются говорящему неясными: раз настоящего сравнения нет, а есть в основном интенсификация или оптимизация, то с семантической точки зрения, все разнообразие наречий оказывается квазисинонимами с общим значением ‘более (менее) оптимально (V)’. Естественно тогда и выбрать, не раздумывая, для заполнения этой позиции лексему *больше*, с самой свободной сочетаемостью, как это (ошибочно) сделано в (8) и множестве похожих на него примеров:

- (8) В России человек **больше** (вместо: **чаще**) считается расистом из за действий

Как известно, стандартные контексты интенсификации семантически «разогревают» конструкцию, они склонны к «повышению градуса» ситуации, ее гипер-эмфатичности. Отсюда широкое использование говорящими удвоения (*хуже и хуже*) и специализированных усилительных маркеров (*все (хуже), еще (шире), все более, гораздо* и др.). Понятно, что прием «усиления усиления» требует осторожного обращения и соблюдения сочетаемостных правил — правда, пока не описанных. Поэтому именно здесь кроется еще один источник ошибок, ср., например:

- (9) При этом песня принуждает народ **все более и более прилагать свои усилия и трудится**.

Как видим, современное состояние и динамика развития сравнительных конструкций в русском языке — довольно обширная тема, мы коснулись только одного ее частного фрагмента, чтобы обозначить перспективы теоретического лексико-грамматического исследования этой области. Однако сама задача выросла из анализа значительного подкласса ошибок при употреблении сравнений.

Более локальные сюжеты представляет глагольное управление предложными конструкциями.

ПРИМЕР 2. ПРЕДЛОЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Действительно, общности в нарушениях падежного управления немного: каждый глагол, предлог и даже имя накладывает свои ограничения на конструкцию и добавляет фрагментарности (впрочем, иногда и изящества) сочетаемостным правилам. Чаще всего общим для них является семантическая мотивированность, основания которой не всегда доступны нестандартным носителям.

Глаголы поступательного движения хорошо комбинируются с именами пути — *дорога, тропинка, проспект, маршрут, траектория, улица* и др. Естественно, что такие сочетания поддерживаются пролативным предлогом *по* и плохо комбинируются с другими предложными значениями: *ехать / плыть / идти по дороге / маршруту / улице*, но: **в дороге* или **на улице*. Почему один из носителей американского эритажного русского употребил *на* вместо *по* и сказал: *шел на улице*, можно только догадываться. Скорее всего, он был под влиянием английской конструкции *in the street* и устойчивого сочетания *на улице* в русском.

Заметим, что, вообще говоря, в контексте поступательного движения *на улице* все же возможно, правда, в другом значении, и немногочисленные примеры из НКРЯ это подтверждают, ср. (9–10):

- (9) Пора. Обозы идут **на улице**. Смотрите, чтоб вас не тронули. [М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924)]
- (10) Когда кто-нибудь идет **на улице**, то снег так скрипит, что слышно в моей избушке. [П. Н. Краснов. От Двуглавого орла к красному знамени (1922)]

В обоих случаях речь идет о действии, которое происходит **снаружи** того помещения, в котором в данный момент находится наблюдатель. Действительно, в (9) все участники речевой ситуации, включая говорящего, действительно находятся в доме и прислуши-

ваются к тому, что происходит, чтобы угадать момент, когда удобнее выйти наружу, а в (10) говорящий мысленно помещает себя в избушку, чтобы «услышать» скрип снега. Именно такую интерпретацию как единственно возможную имеет предложное выражение *на улице* в нехарактерном для себя контексте с глаголами поступательного движения.

Получается, что к давно известному набору лингвистически значимых и лексически закрепленных положений наблюдателя в разных языках мира, рассмотренный пример добавляет специфическую позицию внутри / вне замкнутого пространства, причем не исключено, что типологически достаточно релевантную, ср. англ. *outdoors*.

Заодно обратим внимание на числовое поведение имени *улица* в данном контексте: как в обычной конструкции с пролативным *по*, *улица* стоит здесь в единственном числе, но семантически это разное единственное: *идти по улице* описывает движение какого-то одного субъекта-фигуры. Оно вполне допускает множественное число в распределенном смысле: *и опять почтальоны бежали по улицам* ('разные почтальоны по разным улицам').

В *на улице* из примеров (9–10) нет идеи конкретной улицы — это любое место, прилегающее к пределам строения, где находится говорящий / наблюдатель: двор, поле, площадь и др. под. (ср.: *оставил велосипед на улице*) или даже просто пространство снаружи любых построек (*на улице темно / холодно / –30; познакомился с ней на улице* и др.).

Переход к множественному числу участников очень часто (но не всегда, ср. правильный пример в сноске³) предполагает распределенную множественность, он сопровождается возвратом к исходной интерпретации слова *улица*, а значит, требует формы множественного числа и для самой этой лексемы, ср. ошибочные предложения (11–13) из Учебного корпуса:

- (11) *Оказывается, что каждый год в день рождение Гитлера ходят на улице* (вместо: *на улицах*) *скинхэды*.
- (12) *В статье говорится о музыкантах в Сирии, которые думают, что своя музыка являются эффективным способом протеста, как и демонстрации на улице* (вместо: *на улицах*).
- (13) *Также в России вообще очень мало видно инвалидов на улице* (вместо: *на улицах*) — *например тех, у кого церебральный паралич или синдромом Дауна*.
- (14) *Кроме того, на улице* (вместо: *на улицах*) *нет корзин для мусора*.

ПРИМЕР 3. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ, или О СЛОВАРЕ ОШИБОК

Пример (15):

- (15) *Маленький мальчик потом взял лопатку и делает маленькие дырку, что положить turtle*

взят из пересказа мультфильма, в котором ребенок решил, что у него умерла черепаха и ее нужно похоронить. В этом предложении много ошибок разного рода, но сейчас нас интересует только выбор неправильного русского перевода для слова *hole*: использованное автором выражение *сделал дырку* в русском языке в этом контексте абсолютно

³ *Облака в небе, лужи на улице и отчаяние в душе.*

невозможно. Источник этой ошибки понятен — здесь произошло полное калькирование с доминирующего в данном случае английского, ср. *to make a hole*.

Педагогическая польза от поиска калек в том, чтобы истребить их в речи изучающего иностранный язык студента, поэтому в перспективе Учебный корпус предполагает разметку по калкам. Но для лингвистов (которые тоже будут пользоваться этой разметкой) кальки, наоборот, имеют очень большую ценность: они эксплицируют различия между языками и указывают точки расхождения, которые так настойчиво ищут типологи.

Пример (15) ценен для лексической типологии: он демонстрирует различие между англ. *hole* и его русским коррелятом *дырка*. *Дырка* бывает только сквозной, поэтому все, что выкопано в земле, по-русски называется иначе. Это может быть *яма*, *канавка* (их не только *копают*, но и *роют* — но, кстати, обычно не *делают*) или *норка* / *нора* — если в ней живет какое-то существо. Могилу (по отношению к черепаше лучше было бы сказать *могилка*) иногда действительно грубо называют *ямой*, но не *ямкой*, и конечно, не *дыркой*.

Несквозные отверстия возникают не только в земле, ср. *вмятины* как результат воздействия на артефакт человека или стихии. Есть естественные несквозные отверстия, ср. *пещера* или древесное *дупло* (ср. также *дупло*, образовавшееся в зубе естественным путем), или *впадина* — повторим, что в русском языке они не заменяются ни на *дырка*, ни на *дыра*.

В человеческом теле имеются физиологические *отверстия* — но не *дыры* / *дырки*, если не говорить о сленге (где, кстати, возможно и калькирование). Практически для каждого из них есть свое название, ср.: *рот*, *глотка*, *ноздря*, *глазница* и др., а вот результатами (искусственных) проколов и прострелов будут как раз *дырки* (NB! не *дыры*, но и не *отверстия*). Правда, если эти отверстия несквозные, они называются иначе: *раны* или *ранки*, ср. еще *пулевое отверстие*.

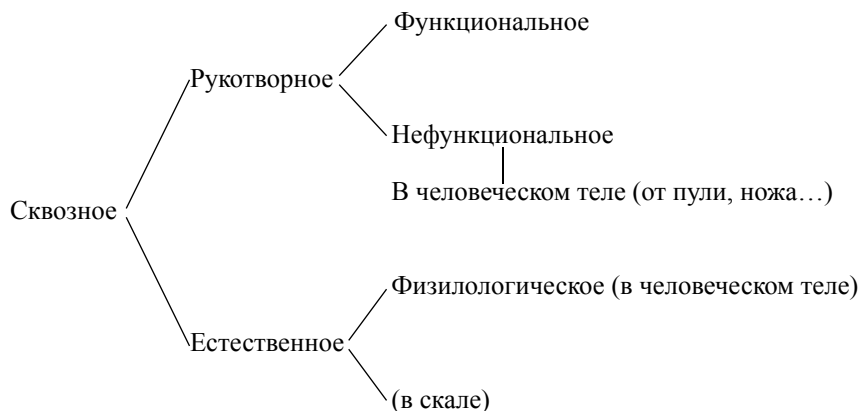
Отверстия, как и *дырки*, тоже, как правило, сквозные, но не обязательно рукотворные, ср. *просверленное отверстие (дырка) в стене* VS. *отверстие (*дырка) в скале*. Если это отверстие в артефакте, то оно всегда функционально, в отличие от *дырки* или *дыры*, которые нарушают целостность объекта. Ср. канализационное отверстие (**дыра* / *дырка*), *отверстие в трубе*; ср. также специальные лексемы, закрепленные для особо важных в антропоцентричном мире функциональных артефактов-отверстий: *горлышко* (бутылки), *дверь*, *окно*, *форточка*, *лаз* и мн. др.⁴

Дырка прототипически круглая, а **вытянутое** сквозное отверстие называется *щель*, или, если это совсем узкое отверстие, непригодное для проникновения внутрь и не пропускающее света — *трещина*. Но это топологическое противопоставление касается только твердых поверхностей: в мягких не бывает щелей и трещин, так что продольный или поперечный функциональный разрез остается *разрезом*, а нефункциональный, когда по шву лопается узкая юбка, называется *дырой*, но — не *дыркой*. Отсюда, кстати, следует, что *дырка* — это вовсе не ‘маленькая и симпатичная дыра’, как можно было бы подумать, а совершенно самостоятельный, хотя и бесплотный, объект действительности⁵.

Видно, что русская система параметров в этой зоне очень богата, она выделяет целый ряд нетривиальных фреймов-отверстий (о значимости и специфике понятия фрейма в лексической семантике см. Рахилина, Резникова 2013), как то:

⁴ Кстати сказать, есть множество значимых отверстий в артефактах, которые, тем не менее, в языке вообще никак назвать невозможно. Например, отверстие в царской короне или кольце или «горлышко» стакана и вообще «вход» в почти любой не-узкий контейнер — бокал, чашку, вазу, коробку и проч.

⁵ Подробнее о не-димиинутивной семантике русских димиинутивов см. в Спиридонова 1999.

Несквозное — Рукотворное — В земле

Наверняка английская система окажется не беднее и сможет выразить большинство этих противопоставлений: в английском есть специальные лексемы и для ям, и для рвов, и для щелей — и в целом английская лексика знаменита тем, что обычно очень детально прорабатывает семантические зоны. Отличие английской системы от русской не в бедности, а в том, что в английской системе есть лексема *hole*, которая может покрывать большую часть этих фреймов сама, нейтрализуя «спрятанные» в них противопоставления. Такого рода лексические системы мы называем *доминантными* — в противовес *классифицирующим*, как русская. Понятно, что эта характеристика дается, как правило, не всему языку, а конкретному фрагменту его лексики, в данном случае, отверстиям.

Как видим, ошибки при калькировании легко вскрывают противопоставление между классифицирующими и доминантными системами. Ясно, что системно составленный (по тому же принципу, что и Грамматика ошибок) *Словарь ошибок* мог бы дать новый импульс лексической типологии.

ПРИМЕР 4 и ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однажды был маленький мальчик, его звали Сема, и он решил пойти на рыбалку, он вместе взял свою собаку, его звали Петька, и пошел ловить рыбу на реку. Он выкопал червики и сел ловить рыбу. Он посмотрел вниз на реку и увидел что удочка его прогнулась и он поймал рыбу и он начал тянуть. Тянул он очень сильно, так сильно что он даже упал сам в реку. Насколько он упал в реку, Петька, его собака решила его на прыгнуть и спасти тоже. (Фрагмент текста из коллекции И. Дубининой)

Когда сталкиваешься с такими, по-настоящему сложными, текстами нестандартных говорящих, существенно отстоящими от современной нормы, вспоминаешь опыт комментаторов берестяных грамот: переход от эпохи *исправления ошибок* в грамотах к идее о том, что они представляют особый (нестандартный!) диалект, стал ключом к их новой интерпретации. Собственно, именно по этому пути идут современные теоретические исследования и исследователи эритажного языка, усматривая в нем

не отдельные частные ошибки, а черты креолизации, см. подробнее об этой любопытной идее в Polinsky, Kagan 2007. Однако пока неясно, можно ли говорить, например, об эритажном русском в целом — даже если ограничиться носителями с доминантным американским английским, представленном в Учебном корпусе.

И все-таки от работы с текстами нестандартных говорящих остается твердое ощущение, что языковые ошибки в лексико-синтаксических конструкциях возникают в них не случайно и не везде и что общий смысл даже очень сложных текстов такого рода, как правило, совершенно понятен. Нам кажется это очень существенным: значит, и в самих текстах, и в соответствующих им языковых вариантах есть, как учил нас Александр Евгеньевич, константы — и переменные. Задача только в том, чтобы их найти.

Литература

- Русская грамматика. 1980. Шведова Н. Ю. (ред.). М.: Наука.
- Кибрик А. Е. 2003. Константы и переменные языка. Алетейя.
- Князев Ю. П. 2007. Грамматическая семантика. Языки славянских культур.
- Князев Ю. П. 2011. Сравнительная степень. Для проекта «РусГрам».
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. 2013. Фреймовый подход к лексической типологии. Вопросы языкознания.
- Русакова М. В. 2013. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. Языки славянских культур.
- Санников В. З. 1989. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. Наука.
- Спиридонова Н. Ф. 1999. Русские диминутивы: проблемы образования и значения. Известия РАН, СЛЯ. Т. 58, № 2. С. 13–22.
- Фрей А. 2006. Грамматика ошибок. Комкнига.
- Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. 2010. Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approach to non-standard Russian. Helsinki.
- Polinsky M., Kagan O. 2007. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. Language and Linguistics Compass 1(5).